

СРЕДИ вечных книг — эта, может быть, самая молодая. Наверное, в сознании Шолохова «Тихий Дон» и сейчас еще переживается страница за страницей. Роману чуть больше полувека. В январе исполнилось пятьдесят три года с тех пор, когда в журнале «Октябрь» начала печататься первая книга «Тихого Дона». А завершена была работа много лет спустя — в сороковом году.

Впервые донской край заговорил в литературе так свободно — от самого себя, своего быта, мироощущения, чувств, переживаний. Целый мир человеческих характеров и страстей. Народная жизнь на великом переломе.

Прочитав роман, кого мы видим прежде всего? Наверное, все-таки Григория Мелехова.

Когда приходит решение, Григорий несется в снежном кружеве, весь клонясь к конской гриве, охваченный яростью и азартом, бешущий и сильный, непреодолимый, непобедимый:

«Под стременими стремительно строчили конские копыта. Он чувствовал такую лютую, огромную радость, такой прилив сил и решимости, что, помимо воли его, из горла рвался повизгивающий, kloкочущий хрип. В нем освободились плененные, затаившиеся чувства. Ясен, казалось, был его путь отныне, как высветленный месяцем шлях».

Григорий пролетит этот путь в огненном беге, разгоряченный, считая свои прежние искания зрящими и пустыми, и остановит взмыленного коня на своем родном дворе, а наутро начнется, как окажется потом, — неродное ему, смутное, роковое дело — восстание верхушки казачества против Советов. Григорий будет его участником — поначалу сильный и яростный до бешенства, уверенный в том, что с ним и за него правда, его солнце, его родная кровь. Но потом придет истинное, тяжелое просветление, сознание ошибки и вины, томящей усталости, смятения.

ПУТЬ революционной истории на Дону был труден. Правда истории, пробиваясь сквозь тьму и недоверие, в одно мгновение могла сбиться с пути, запутаться в сознании множества. Так закоренело, до последней травинки жили здесь предания, старина, традиция, дух старого казачества — воинствующий и жестокий. В одном человеке — чувство трудовой земли, любовь к теплоту запаху степи, лесов и полей и «жалость-гадюка» собственника.

Поражает, как глубоко видел В. И. Ленин людей-тружеников в их труде, мыслях и чувствах. Он сказал, что первые годы после революции для крестьянина были «тяжелыми». Вот эти слова о крестьянине: «Он пережил все эти шесть лет, мучительных и тяжелых, недаром. Он не похож на довоенного мужика. Он тяжело страдал, он много размышлял и много перенес таких политических и экономических тягот, которые заставили его забыть многое старое. Мне думается, что он сам уже понимает, что по-старому жить нельзя, что надо жить по-иному...».

Дорогу к правде осложняли, говоря языком тех лет, искривления линии партии, встречавшиеся на местах. Шолохов сказал об этом смело, честно как художник и политик ленинской выучки. По форме и по существу.

Печатание шестой части романа задерживалось в журнале «Октябрь». Как и у всего произведения, у этой книги был советский характер, а иные критики — «неистовые ревнители» — сыпали на автора обвинения в объективизме и других грехах. Как мы сказали бы теперь, смешивали позицию писателя, которая была партийной и ясной, и «предмет» исследования — сложный, противоречивый.

Даже бесстрашный и умный Фадеев засомневался. Он прислал своему другу в Вешенскую большое письмо, предлагая внести поправки. Как ни уважал Шолохов мнение Фадеева, но с замечаниями его не согласился и написал М. Горькому: «Заятно то, что десять человек предлагают выбросить десять разных мест. И если всех слушать, то 3/4 нужно выбросить».

Горький строгим взглядом учителя прочитал рукопись и заключил: «Я, разумеется, за то, чтобы ее напечатать»...

Третья книга «Тихого Дона», писал М. Горький А. Фадееву, — «произведение высококого достоинства». И, воодушевляя Шолохова на будущее, Горький делал вывод, что эта книга «значительнее второй, лучше сделана».

С КАЖДОЙ новой публикацией растет любовь народа к роману и все нетерпеливее читательское настроение: когда же писатель закончит произведение, что же будет дальше?

А Шолохов над четвертой книгой работает медленнее, раздумчивее, откладывая сроки публикации, добиваясь художественной гармонии и совершенства. Повествование напряженно, как никогда. Почти на каждую строку романа набегают слеза. Смерть угнездилась в семье Мелеховых. Умирает Наталья, утонула Дарья, нет уже и Пантелея Прокофьевича, Ильинична, всматриваясь в сумеречную степь, последние, прощальные слова обращает к сыну, так и не дождавшись его. Она видит Григория в своих предсмертных воспоминаниях не теперешним, а таким, каким он был в «измальстве» — «младшеньким», «ласковым» и «желанным»:

«Гришенька! Родненький мой! — Помолчала и уже другим, низким и глухим голосом сказала: — Кровинushка моя!»

Читатели переживали несчастье героев, как свое горе. И все больше волновались, что будет с Григорием? В Вешенскую идут тысячи писем. Предлагают, советуют, даже требуют. Шолохов просит «доставить линию Григория до сплошной коллективизации», «закрепить окончательный переход Григория в Красную Армию и показать его работу в условиях мирного времени».

«А в последние годы, — рассказывал Шолохов, — многим почему-то показалось, что Григорий будет убит. И вот посыпались письма с категорическим требованием: «Оставьте в живых Григория Мелехова!»

«Тихий Дон» уже в тридцатые годы расходится по всему миру. «Тихий Дон» спрашивается — так назвал свою книгу Константин Прийма. Это сбор-

жается. Григорий Мелехов держит на руках сына Мишатку.

«Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

Здесь необычайно важно слово: «роднило». Можно было сказать «связывало», «соединяло». Но это был бы уже другой стиль, другой дух. Именно: «роднило». Значит, это живет в сердце, в глубине души. Значит, через сына быть ему в родстве и «с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

В то время, когда бытовала формула: «Сын за отца не отвечает» — Шолохов утверждал: «Отвечает. Так же, как и отец отвечает за сына». Не много ли решающего оптимизма придаю я этой встрече отца с сыном? Думаю, что нет.

Помните, после смерти Натальи Григорий приезжает домой и Мишатка карабкает-

— Верейского, Реброва...

Шолохов мягко улыбается, вроде бы не возражая. А потом в глазах заиграла веселая сининка и писатель говорит:

— Знаете, мне больше всего нравится одно издание, послевоенное. Такой большой том, все четыре книги вместе и без единой иллюстрации. Очень хорошее издание.

Мы рассмеялись. Один из нас в тон первому вопросу предлагает второй:

— А кто из критиков пишет лучше всех о Вашем творчестве?

Опять веселая сининка в глазах:

— Никто, — отвечает. Снова — смех. О Шолохове написано много и хорошо.

У нас и за рубежом. Существует наука: шолоховеда. Но кто пишет лучше? Читайте и судите сами.

— Михаил Александрович, сейчас писатели охотно включают в сборник своих литературных статей свою переписку. Иногда это бывает интересно.

— Может быть, — говорит Шолохов, но потом, словно вспомнив что-то веселое, улыбнулся: — Но в письмах можно и покрасоваться?

МЫ ПРИВЫЧНО говорим, «Шолохов беспощадно правдив». Или: «жесточкая правда его произведений». Но сказать так еще не сказать всего. Шолохов — человек, и «Тихий Дон» всем существом своим направлен к миру, к жизни. Писатель может ожить любой былинкой, он развернет к людям случайно встреченного человека, он откроет даже самый скрытый характер в душевном разговоре, песне, в шутке. В своем романе он небо приблизил к земле, включая его в жизненный круг забот и тревог человека-труженика.

Главные герои романа предстают укрупненными характерами. Семья Мелеховых от мала до велика, Коршуновых, коммунисты — Иван Алексеевич Котляров, Штокман, Михаил Кошевой, Подтелков...

Молнией пронесется в романе героическая жизнь коммуниста Бунчука. Этот образ легко представим и в «Поднятой целине», другом Давыдова, Разметнова, Нагульнова, столько в нем от обаяния человека, уже вошедшего в социализм. Да разве всех назовешь?

Земля у Шолохова не только планета — галактика. «Звездные шляхи»; «пшеничная россыпь звезд гнула на сухом, черноземно-черном небе, не всходя и не радуя ростками»...

Герои Шолохова к пашне, к сеюкоосу готовятся как к празднику, и даже в самом непутовом человеке растаивает сорное, грубое.

Вспаханное, засеянное поле проходит в «Тихом Доне» светлым, желаемым миром, тем укладом человеческой жизни, где только и могут быть добро, правда и красота.

Этот мотив перелетится в «Поднятой целину».

Шолохов любую, даже самую яркую жестокость, пробьет лучом света. Народный голос писателя, чувство истинной нравственности, сердечности и делают роман таким близким, родным для нас.

На торжествах в Стокгольме по случаю вручения ему Нобелевской премии автор «Тихого Дона» выступил как художник-философ и представитель страны, которой более всего дорога мирная жизнь на Земле:

«Человечество не раздроблено на сонм одиночек, индивидуумов, плавающих как бы в состоянии невесомости, подобно космонавтам, вышедшим за пределы земного притяжения... Гигантские слои населения земли движимы едиными стремлениями, живут общими интересами, в гораздо большей степени объединяющими их, нежели разъединяющими».

ПЕРВУЮ книгу «Поднятой целины» Шолохов писал в то время, когда создавался и «Тихий Дон». Представим себе. Далеко от Москвы, почти никому не известная станция. Вечерет. Зажигается керосиновая лампа. Наверное, в то время были и десятилитровые. Они поярче, чем семилитровые, скажем. Шолохов садится к столу. За окном уже совсем темно. Одиноким кому-нибудь показался и этот дом, и этот человек. Но у художника другое ощущение. И он ведет твердой рукой:

«Ночь... На север от Гремячего Лога, далеко-далеко за увалами сумеречных степных гребней, за логами и балками, за сплошными лесов — столица Советского Союза. Над нею — половецкие электрических огней. Их трепетное голубое мерцание заревом беззвучного пожара стоит над многоэтажными домами, затмевая ненужный свет полудночного месяца и звезд».

Отделенная от Гремячего Лога полутора тысячами километров, живет и ночью, закопанная в камень, Москва... А за ленинским Мавзолеем, за кремлевской стеной, на вышнем холодном ветру, в озаренном небе трепещет и свивается полотнище красного флага...

Шолохов — наш современник. Он живет в Вешенской среди своих героев. Народный писатель, коммунист, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, делегат XXVI съезда партии.

И. ЖУКОВ.

ВЕЧНАЯ КНИГА

«ТИХИЙ ДОН»

ник документальных рассказов о мировом признании Шолохова в Европе, Азии, Америке. Шолоховские произведения издаются в сорока семи странах.

Не сразу был оценен духовный мир главного героя Шолохова — сложный, как и его время. Его раздумья упрощали, в его исканиях метали резкие, пулевые оценки: отщепенец. А писатель, не думая ничего упрощать, взваливал на своего героя тяжести правых и неправых боев и страданий, классовых и человеческих противоречий. Мелехов проходит сквозь жизнь неуемным искателем истинного пути. «Кто же прав?» — этот вопрос подстерегает, тревожит его на каждом шагу. Он падает и поднимается, уничтожает себя в неправоте и вновь возвращается к жизни. Не покидает уверенность, что он повернется к правде, как подсолнух к солнцу. Мужество, честь, совесть, правдивость, достоинство равно или поздно берут в нем верх, даже когда жизнь его кажется пройденной, опустошенной.

Вот до него доходит слух, что среди арестованных — коммунисты Михаил Кошевой и Иван Котляров. Бросая дивизию, он птицей несется на выручку, чтобы спасти их. Насмерть загнал коня, но так и не поспел.

Весна и осень жизни, рождение и смерть. Время идет и идет, унося с собой события и людей...

В минуту горечи и неверия вновь заговорила любовь к Аксинье. Григорий после долгой разлуки встречает Аксинью. У Григория встреча вызывает грустные воспоминания, о которых сказано, что они пронесли, как «светлая стая». При встрече Григорий и Аксинья говорят на языке признаний упреждений и вновь рожающегося чувства. Стиль писателя становится таким легким, светлым, как хлынувшая от сердца радость.

«Григорий перевел взгляд с лица Аксиньи на Дон. Затопленные водой бедностью тополя качали наги ветвями, а вербы, опущенные цветом — девичьи сережками, пышно вздымались над водой, как легчайшие дикие зеленые облака».

Вербы — «как легчайшие дикие зеленые облака». Это взгляд на природу. Глазами зоркого поэта, взгляд близкий, отчетливый, задушевный.

Алексей Толстой восхищался: «Любовь веками изображалась гениальными художниками, и Шолохову нужно было иметь свежее сердце, чтобы с такой свежестью и силой написать любовные сцены романа».

ПОСЛЕДНИЕ эпизоды романа рушит и воздымает трагедия. Кажется, все потеряно. Но нет, жизнь продол-

ся к отцу на колени, целует отца и передает последний наказ Григорию от Натальи: «Мамашка, когда лежала в горнице ...когда она шло живая была, подозвала меня и велела сказать тебе так: «Приедет отец — поцелуй его за меня и скажи ему, что бы он жалел вас».

Григорию уже не забыть этих слов, переданных так щемяще, невыразимо трогательно сыном.

А еще раньше, когда Григорий тоже после долгого расставания, снова дома слушает щебетание своих детей, то впервые испытывает необычное отцовское волнение.

«Как пахнут волосы у этих детишек! Солнцем, травой, теплой подушкой и еще чем-то бесконечно родным. И сами они — эта плоть от плоти его, — как крохотные степные птицы. Какими неумелыми казались большие черные руки отца, обнимавшие их. И до чего же чужим в этой мирной обстановке выглядел он — всадник, на сутки покинувший коня»...

От этих чувств на глазах у Григория слезы и «глухие и частые удары сердца и такое ощущение, будто в горле беззвучный бьет колокольчик». Из таких чувств вырастает отношение к Родине, людям, они кристаллизуют жизненные искания.

Подобная ситуация спустя много лет зазвучит в «Судьбе человека».

У Андрея Соколова иная, чем у Григория Мелехова, связь с жизнью, историей. Эта судьба насквозь советская. Но так же, как и Мелехов, он теряет на войне все — дом, родных. Солдат-сирота. А возвращает его к жизни мальчик-сирота, которого солдат называет своим сыном. «Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края ураганом невиданной силы... Что-то ждет их впереди?»

И, наконец, эти слова, будто продолжая наше главное читательское желание из «Тихого Дона»: «И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит...»

Шолохов жизнелюб по натуре, юмор остается с ним и его героями в самые тяжкие минуты. А тем более, если у него хорошее настроение.

Вот несколько реальных штрихов.

Несколько лет назад во время встречи с Шолоховым в Вешенской я спросил:

— Михаил Александрович, кого из художников-иллюстраторов «Тихого Дона» Вы считаете наиболее интересным?

Шолохов медлит с ответом. Нас было несколько человек. Кто-то называет: